

МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА ГАРАЖ

GARAGE

MUSEUM OF CONTEMPORARY ART

ПРОСТО ИСКУССТВО / JUST ART

ВСТРЕЧА № 5.

ХАИМ СОКОЛ

Темнота - завеса - забвение. То есть забвение - это не исчезновение. Это потаенность. То, что спрятано от нас под покровом темноты, под слоем пыли, в дальнем углу, на чердаке. Я бы сказал, что забвение - это тайное, незримое присутствие вещей в нашей памяти. Слои этих спрятанных воспоминаний и образуют палимпсест.

Хаим Сокол

«Парохет(Занавес)», 2006

(Jewish ritual ornamental curtain covering the front of the holy ark in the synagogue)

time, iron, paint

2006 г.

Коллекция Хавы и Даниеля Боярин, Беркли, США

«Криптомнезия. Рецидив», 2005
Галерея «АртСтрелка Projects»

«Сла-а-а-вик! Домой!» называется его работа-автопортрет. (Не удивляйтесь, что персонажа зовут Славик. Ведь весь проект называется «Криптомнезия», а это та форма нарушения памяти, когда не отличаешь собственных воспоминаний от вычитанного в книгах). Эта часть какой-то бездушной машины испортилась как функциональный элемент производства, но, потеряв предназначение меркантильное, обрела нечто большее – значение символа. Сгнившая ручка прибора превратилась в величественные древние врата. Сокол измеряет на прочность мир и ставит под сомнение принятую систему весов и мер.

Диана Мачулина

Хаим Сокол часто ставит время первым в список художественных техник, в которых выполняет работы. Художник словно лишь дополняет работу времени, принимая его (состоявшееся) творчество как неизбежную данность. О времени нельзя сказать что-либо определенное. Подобно близорукости, времени не существует, ибо оно не факт, а обстоятельство, само создающее условия для существования, в случае с близорукостью – зрительную перспективу.

Дмитрий Озерков

«Я его очень любила», 2007

Время, алюминиевый таз, моторчик от микроволновки, советские военные кальсоны

Тазик вращается на плоскости, с мокрых кальсон капает вода в таз.

Старая вещь (ржавая, тухлявая, сломанная) - это конечная стадия самой себя, мельчайшая неделимая частица самой себя. Из нее уже нельзя сделать другие вещи, распилив ее, например, или разрезав. Старой вещи, как старому человеку, остается только вспоминать. И старые вещи, встречаясь друг с другом, начинают делиться своими воспоминаниями

Хаим Сокол

«Музы (Бабки и тачки)», 2007

Скульптура, инсталляция
9 скульптур, высота каждой 160см.

Эти бабки повсюду. Со своими тележками они ходят по улицам, просят милостыню в метро, стоят в очередях, участвуют в коммунистических демонстрациях. Они наше прошлое. Они будущее самих себя. Они мусор, обломки, ржавая сталь. И в то же время они античный хор. Отражаясь в лужах, как в Лете, они о чем-то предупреждают. Они Музы. Желтые светофоры памяти, стоящие на перекрестке времен.

Хаим Сокол

Само творчество Хаима Сокола представляет собой ризому, некую стелющуюся корневую систему, расплзающуюся и дающую побеги там, где она нащупывает плодородную почву.

Михаил Бодэ

Изогнутые силуэты напоминают сгорбленные фигуры старух, а вырывающиеся из раструбов лучи мигающих фонариков словно бы высматривают что-то в темноте: «бабки» то ли выискивают что-то у себя под ногами, то ли вглядываются в лица зрителей, то ли нашаривают ускользающие воспоминания. Сам художник говорит, что в этой инсталляции он пытался передать в том числе и впечатления от посещения подмосковного блошиного рынка.

Ирина Кулик

Хаим Сокол полностью соглашается с вынесенным в название выставки «диагнозом». Пронзительные, несмотря на всю свою «сделанность», образы прошлого, какими они предстают на выставке, уже не являются внезапной находкой — на блошином рынке, дома на чердаке или в собственной памяти. Они возникли благодаря уже не случайности, но усилению и кропотливой работе. Но это не делает их менее настоящими.

Ирина Кулик

Сокол измеряет на прочность мир и ставит под сомнение принятую систему весов и мер. Он помнит, что «вначале было Слово...», и устраивает филологическое вскрытие ситуации. Зная, что в Москве ценятся «бабки» и «тачки», это и изображает. Но получается не то, что могли бы мы, а ноктюрн на флейте водосточных труб. В темном зале собрались в круг современные тачки: тележки, на которых слабосильные бабули провозят сумки в метро, давя своим дальнобойным грузом ноги клерков низшего звена, которые еще не обзавелись правом опаздывать на работу, стоя в пробках на тачках с несколькими лошадиными силами. Где крутые тачки, там и бабки.

Диана Мачулина

Человек пишет письмо. Весь этот процесс — череда ожиданий. Каждое полученное письмо — привет из прошлого.

Наше прошлое — космический корабль, улетевший к звездам. Мы давно не пишем письма. Мы разучились писать, забыли адрес. Но можно попробовать писать до востребования. И вернуть себе хотя бы ожидание.

Хаим Сокол

«Невидимое», 2007-2010

Время, жест, письмо, смешанная техника. Размер варьируется

Сколь бы неприглядными ни казались на первый взгляд доработанные редимейды Хаима Сокола, их основной месседж очевиден: все они пережили и переживут людей. Время состарило и изуродовало эти предметы, когда-то составлявшие предмет гордости, радости, наслаждения, превратив их в «материальные остатки», насыщенные воспоминаниями. Время проваливается через дырки ржавчины, через траченности меха, но все равно одерживает победу.

Дмитрий Озерков

Хрупкость письменной культуры у Хаима Сокола закована в железо – более потрясающую метафору материалистичности мира трудно найти. Письма становятся железными, люди теряют способность говорить и слышать. Люди, кричащие в пустоту свое немолчащее «Это мы, Господи!». Железные конверты за железной решеткой – так символически художник ставит перед каждым вопрос о том, сколько у нас за душой не прожитого, не написанного, не рассказанного.

Александра Кисель

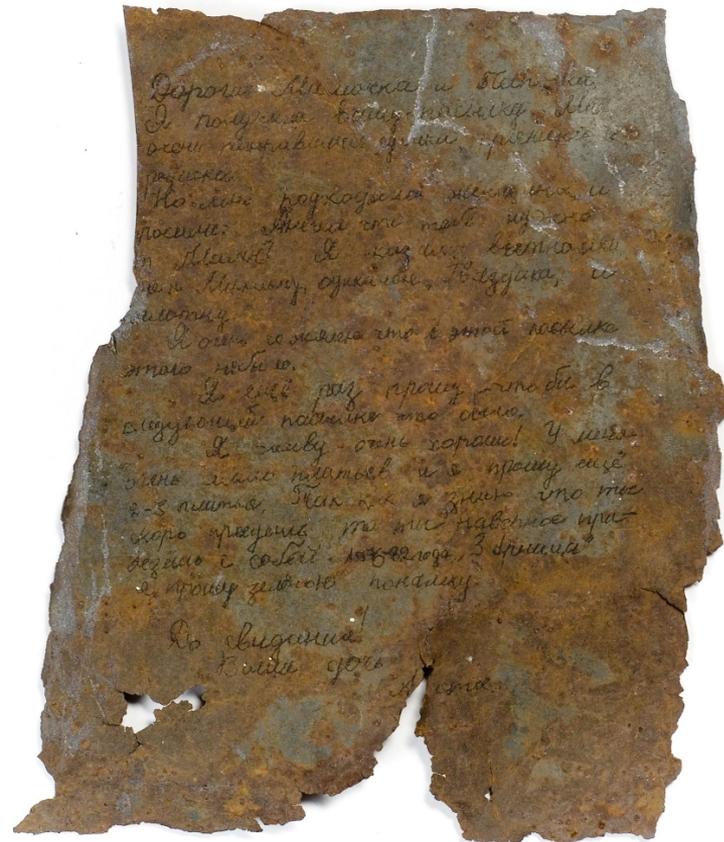
Правомерным казалось копать там, где уже были наделы Андрея Платонова и Резо Габриадзе. Но вот о том, что эта выросшая молодая культура сродни корневой системе Кристиана Болтанского, работающего с вещами бросовыми, но как бы хранящими память о прежних владельцах, -- об этом как-то не думалось.

Михаил Бодэ

Вот любимый прием: работа с найденными архивами, когда чужие письма — буква за буквой, рисунок за рисунком — с усердием сойфера, переписчика Торы, переводятся под копирку на жестяные листы, где строки и линии наслаиваются друг на друга, образуя прихотливые палимпсесты.

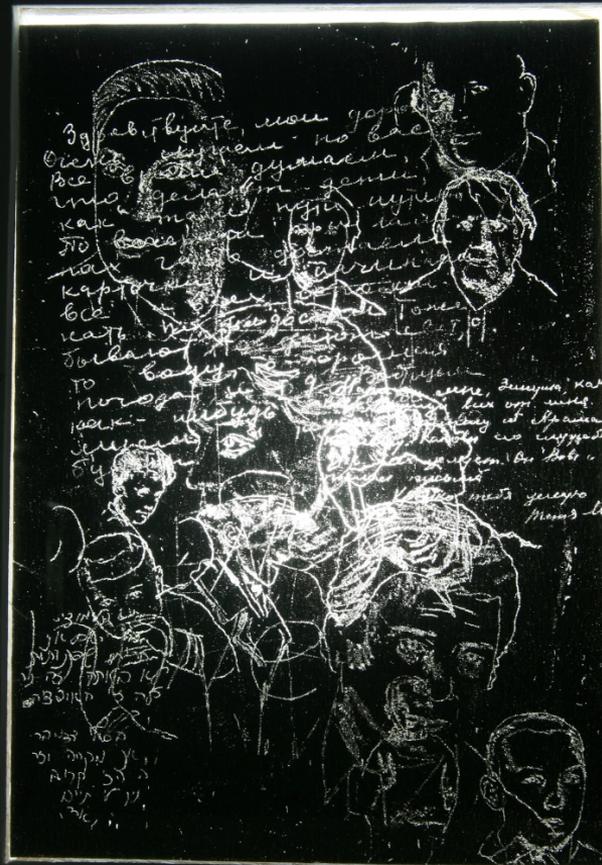
Анна Толстова

Трансформация или исчезновение письменной культуры – на мой взгляд, самый значительный культурный сдвиг, который мы сейчас переживаем. И остается надеяться, что мои будущие дети меня будут понимать, даже не зная, что такое ручка и бумага.

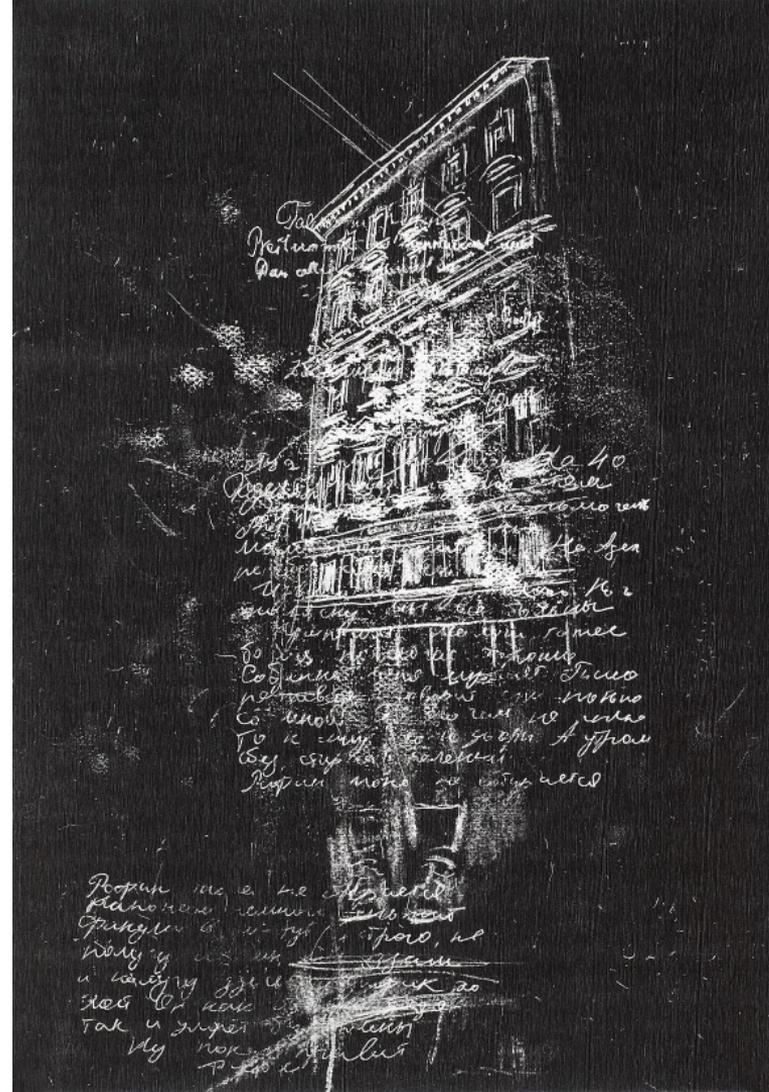
Хаим Сокол

«Палимпсесты», 2011-2014
Рисунки на копировальной бумаге
30x40см.

Копирка — посредник перевода. На одной поверхности — ксерокопии старых фотографий, писем, школьных тетрадей и записных книжек. Это прошлое — мое, незнакомых людей, родственников.

Хаим Сокол

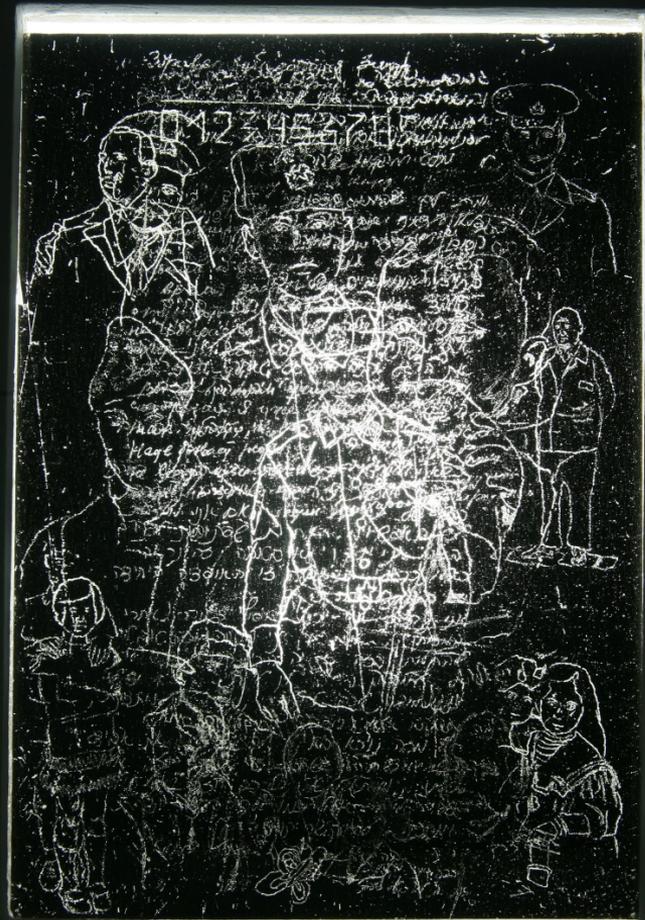

На другой стороне — наше будущее. Или, точнее, это память. Я обвожу карандашом лица и буквы. Я не знаю точно, что и как отобразится на бумаге. Но копирка сохраняет все следы. Благодаря особым свойствам копирки все следы наслаиваются друг на друга, образуя свой собственный, неповторимый рисунок.

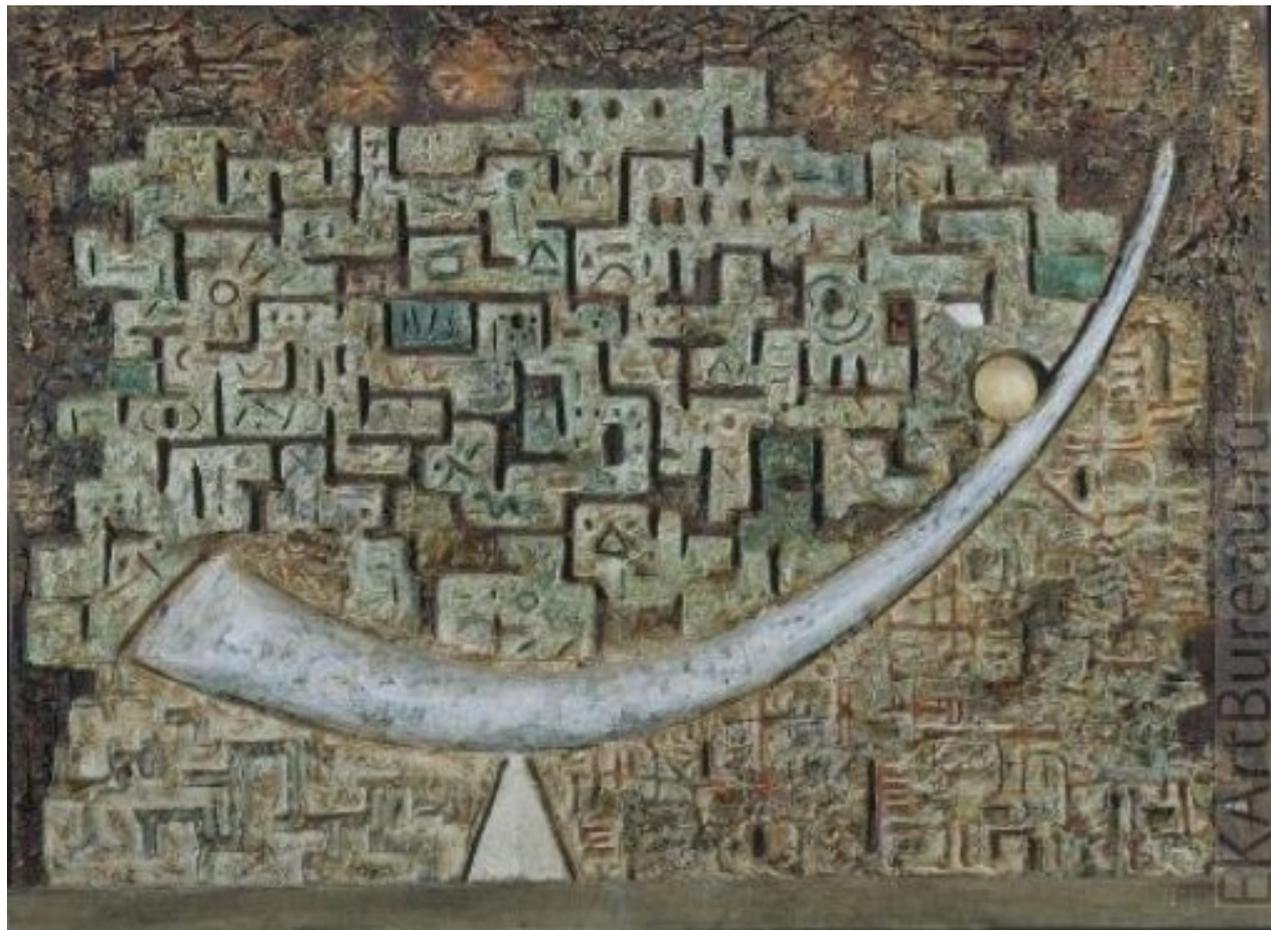
Хаим Сокол

Я не апеллирую к интеллекту, я апеллирую (не знаю, хорошо это или плохо) к чувственному восприятию. А это требует времени, пристального взгляда. Я человек близорукий и вот и делаю такое близорукое искусство.

Дмитрий Плавинский
«Стена явлений», 1962
Смешанная техника, 73,5x100x7
Собрание Екатерины и Владимира
Семенихиных

«Котлован», 2008

Цинк напоминает о ванночках, в которых раньше купали детей, а также о цинковых гробах. Кроме рождения и смерти, цинк появляется в процессе пути — в таких ванночках теперь таджики вывозят мусор. Сокол помещает в них самих людей, грустно констатируя, что человеческий материал все время оказывается на положении отходов, выбрасываемых в процессе достижения какой-то высокой цели.

Диана Мачулина

Говорят, что Россия – страна с непредсказуемым прошлым. Зато будущее у России всегда прекрасно. А между ними котлован настоящего. Мой «котлован» – не о революции, не о войне и не о всяких ужасах, вроде Гулага и Освенцима. Он про наше время.

Хаим Сокол

Все эти цинковые емкости – не антиквариат и не мусор, а реальные орудия труда современных гастарбайтеров. Корыта я выменял у дворничих Гули, Зины и Любы, ведра нашел на стройке. И поместил в них картинки из российской жизни – серые обшарпанные стены, тусклый свет, мусор, грязь, убогий быт и невозможность вырваться.

Хаим Сокол

Так было во времена Платонова, который описывал жизнь людей после революции. Они мечтали победить «жалость старой жизни», построить дом всему пролетариату, все глубже зарываясь в котлован. Так продолжается и сейчас. По словам Дианы Мачулиной: «все попытки возведения «вавилонской башни» ни к чему не приводят, человек по-прежнему находится на дне вавилонской ямы».

Хаим Сокол

Хаим Сокол известен тем, как тонко работает с фактурами и пространством; обычно его объекты и инсталляции (особенно мне нравятся его грубые почтовые ящики и антиутопические куски хозяйственного мыла, которые позволили ему построить вариации на темы платоновского «Котлована») нарочитой ручной выделки (шершавые, грубой выделки, с внутренними узлами или заусеницами) заставляют воздух струиться вокруг артефактов, заплетаясь в незримые косички.

Дмитрий Бавильский

Хаим Сокол привязан к грубым фактурам, грязным холстам и чувствительным воспоминаниям. Одна из первых его работ — с хозяйственным мылом и цинковыми тазами — до сих пор помнится как воплощение сурового отчаяния.

Ольга Кабанова

Макаревич Игорь

«063. Плотник», 1997

Бромсеребряная печать, тонирование,
ручная обработка негатива

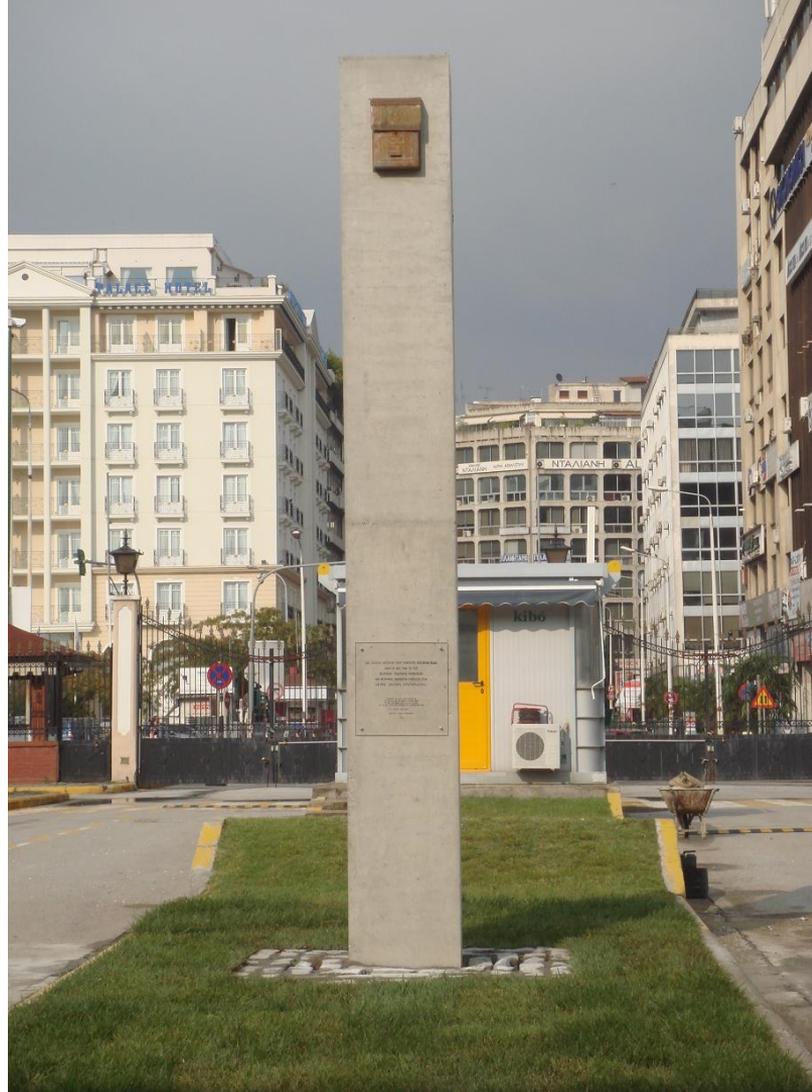

«Всем тем , кто здесь когда-то жил», 2009

Городская скульптура, железобетон, почтовый ящик,
плексиглас
Высота 5 м, 0.6x0.6 м

Название написано на языках пяти основных общин города Салоники, проживавших здесь с античных времен до наших дней - греческой, еврейской, турецкой, болгарской и армянской. Объект установлен в порту и передан в дар городу.

Архитектор Йаннис Эпаминондас

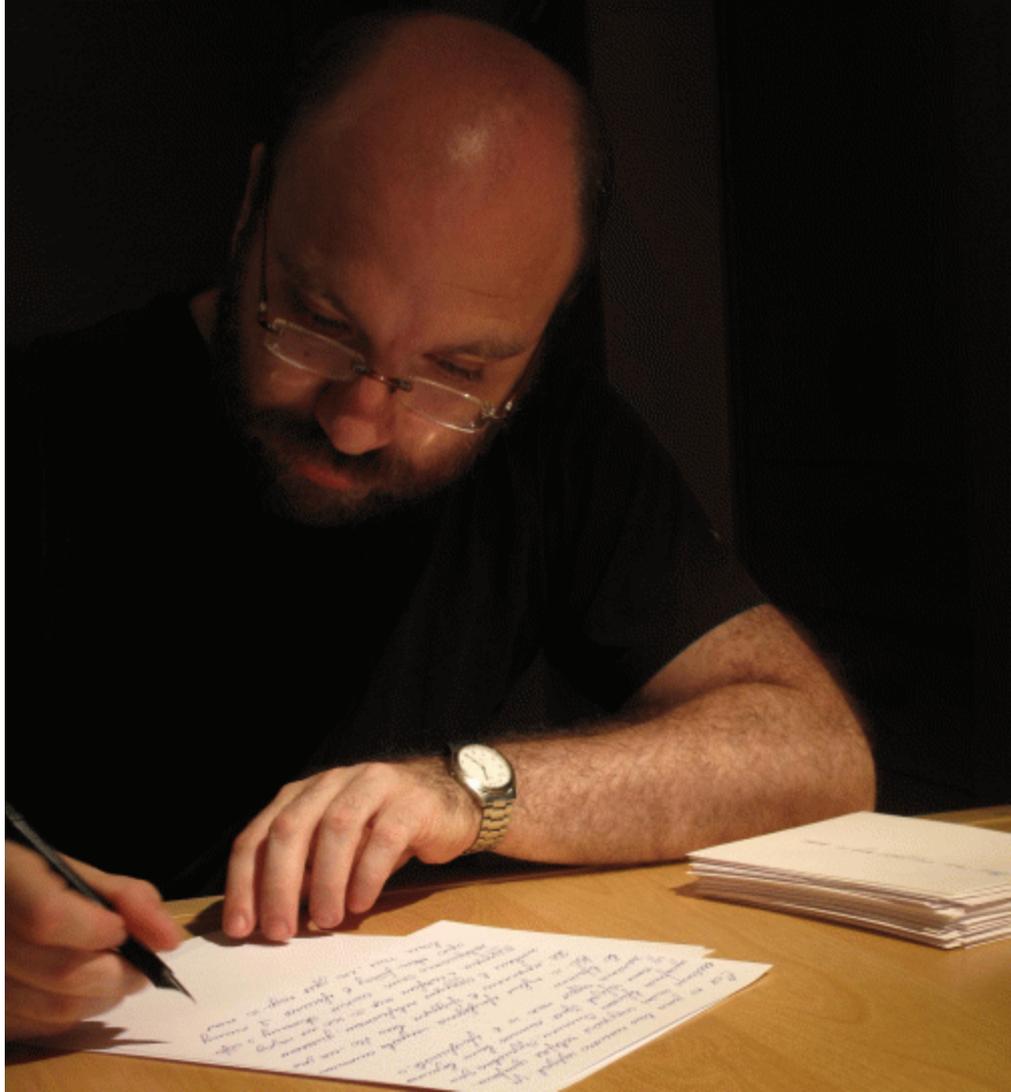
Мне нравится размышлять над своими работами, хотя понимаю, что не оставляю зазор для критиков. Я сам закрываю все эти двери, заполняя смысловые лакуны. Андрей Ковалев в одной рецензии обозвал меня идеальным художником. Именно это мне и мешает.

Хаим Сокол

Кто-то назвал произведение искусства сигналом SOS, пущенным в грядущие века. Но мы уже живем в будущем, невероятном, далеком будущем, о котором даже пятьдесят-сто лет назад не могли мечтать. А потому я обращаю свою работу назад, в прошлое. Я пишу всем тем, кто здесь когда-то жил. И жду от них ответа. Сделал 100 копий и запечатал в конверты, на каждом из которых я написал «Всем тем, кто здесь когда-то жил». Затем я отправил все эти письма через городскую почту.

Хаим Сокол

Первый смысл, который сразу же приходит в голову - потеря коммуникации. Сегодня все стало очень быстро, отрывочно, почти бессловесно, все какими-то знаками... Текст на экране - это все-таки уже картинка, а не текст. Если подробнее: меня часто упрекают, что я современный художник, который очень несовременен, потому что я все время копаюсь в прошлом. Я стал размышлять, в чем же моя связь с современностью. Думаю, чтобы «высветить» и увидеть современность, надо дистанцироваться от нее. Можно или ускакать в авангард, т.е. уйти в далекое будущее, чтоб увидеть наше время, либо, как я это называю, «уехать в эвакуацию».

Хаим Сокол

«Бешенство-1», 2010

Инсталляция, 15 игрушечных собак, цемент, краска, фонарь
размеры варьируются. MONA Museum, Poznan, Poland

Потертая шубка с почтовым ящиком — вместо ранца за спиной — оборачивается и метафорой человека вообще, тащащего за собой груз не востребуемых и неотправленных писем, и портретом художника в юности, тащащегося в школу по архангельскому морозцу.

Анна Толстова

«Без названия», 2010
Объект

